

ПРАВОВОЕ СРАВНЕНИЕ И ПРАВОВАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ: ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ВЗАИМОСВЯЗИ

А.В. ТКАЧЕНКО

1. Деонтологизация как затекст правоведения

Если попытаться отобразить краткой формулой квинтэссенцию влияния трансформационных процессов европейской рациональности на правоведение, ею может быть признание того, что в праве мышлению не противостоит какая-либо реальность, которая бы не была порождением самого мышления. Онтологический натурализм как идея возможности смысловой актуализации чего-либо, существующего безотносительно к его познанию, оказывается проблематичным — совершенно неочевидной выступает способность выхода мышления за свои пределы в онтологически контрастное пространство. В целях дальнейшего изложения подчеркнем — речь идет не о невозможности выхода мышления за собственные пределы, а о невозможности выхода именно в существующую отдельно от мышления онтологическую сферу фиксированных смыслов.

В правоведении все оказывается результатом конституирующей деятельности самого мышления — познание не отделяется от создания реальности, существующей как мир юридических конструкций, подерживаемый традицией мышления.

2. Дискурсивизация истины: современность правоведения как состояние перехода от «истины в праве» к «правовой истине»

Значимой, хотя по преимуществу и неявной, эпистемологической коннотацией постсоветского правоведения является, с одной стороны, признание проблематичности референтного обоснования истины в качестве соответствия наших суждений правовой действительности, поскольку такие суждения уже являются составляющей самой правовой действительности; а с другой стороны — убежденность, что такая проблематичность не дает оснований для отказа от корреспондентного понимания истины в целом. Возможность объективной истины за пределами теории отображения легитимируется предположением, что корреспондентное понимание истины лишь указывает на соответствие мысли своему объекту, однако никоим образом не определяет природу самих этих объектов¹.

Таким образом, требование соответствия интеллекта сущему остается. Понятно, что такое требование в качестве критерия истины имеет смысл лишь при условии определенности и неизменности самого сущего. Поскольку в правоведении таким сущим выступают структуры мышления (юридические конструкции), основным вопросом

эпистемологии становится экспликация механизма, который бы исключал возможность опровержения смысла при дальнейшем развитии познания; механизма, препятствующего растворению онтологии (как фиксации всего, что основано на бытии в качестве независимого от человека, противостоящего его вмешательству) в эпистемологии².

Таким механизмом может выступать обоснование операционных юридических моделей (конструкций) в качестве референтов дескриптивных высказываний, их субстантивация с целью обеспечения континуалистской связи смыслов. Проектом такой субстантивации может выступать концепция «философско-методологического самоопределения правоведения» Н.Н. Тарасова³. Восприятие юридической конструкции как субстанции может считываться, в частности, из следующих высказываний ученого: «...юридические конструкции составляют ядро правового знания и транслируются через эпохи, сохраняя свою ценность независимо от философских картин мира, этических императивов и научных парадигм»⁴. И далее: «С точки зрения собственного содержания права, именно юридические конструкции могут рассматриваться как наиболее стабильные (надсоциальные и, в этом смысле, культурные) единицы права»⁵.

При таком понимании правовая истина оказывается отношением соответствия суждения определенному смыслу, формализованному как юридическая конструкция. И хотя последняя генетически имеет дискурсивное происхождение, в качестве релевантного для правовой аргументации смысла она выступает *матемой* (позитивным и инвариантным элементом высказывания, защищенным от дискурсивных процедур вмешательства и преобразования), поскольку предшествует мышлению как всегда уже известное, при этом мышление должно обеспечить трансляцию смысла юридической конструкции в неизменном, тождественном виде.

Идея объективности и обязательности четко определенных результатов мышления для последующего познания трансформирует базовый постулат теории отображения, согласно которому суждение может быть объективно-истинным только если оно имеет содержание, обусловленное природой отображаемого в нем объекта. Теперь утверждается, что истина есть логическое соответствие знания знанию. Вопрос истины становится вопросом обеспечения однозначности правового мышления, при которой правовая информация, созданная одной процедурой актуализации права, не уничтожается и не изменяется другой, следующей за ней по времени процедурой.

В европейском мышлении инструментом обеспечения однозначности мышления, инструментом контролируемой полисемии является формальная логика⁶. Именно к ней обращаются, когда нужно обосновать однозначность, универсальность и неизменность смысла правовых текстов. Однако формально-логическое обоснование корреспондент-

ной истины требует решения вопроса о сфере локализации истины в праве. Существуют две позиции по этому вопросу: согласно широкой позиции, истиной в праве может быть не только утвердительное дескриптивное суждение, но и модальное суждение (в частности, правовая норма); узкая позиция предполагает отнесение истины в праве только к логически правильно построенным дескриптивным суждениям субъектно-предикатного вида, к которым применима бинарная оценка (истина – ложь).

Широкий подход к пониманию истины провоцирует ряд апорий.

1. Логика имеет дело только с тем, что является постоянно и неизменно наличным, и если современная правовая норма признается истинной, автоматически утверждается ложность ее предыдущих вариаций. Однако какой логический механизм может объяснить ложность исторического и истинность современного, а также то, как исторически ложные значения нормы привели к современному истинному? При этом, если современная норма истинна относительно предшествующих, тогда она является такой же и относительно будущих, исключая дальнейшее развитие права и возможность изменения значения нормы. Но как с помощью логики обосновать приоритет существующего современного над несуществующим будущим?

2. Если правовые нормы различных правопорядков различаются, то для утверждения истинности правовой нормы остается лишь два пути: либо империалистическая позиция превосходства одного права в сравнении со всеми другими, либо отрицание постулата о формальной логике как монологике и предположение, что неотъемлемым атрибутом своеобразия национальных правопорядков выступает и их логическое своеобразие. Последнее утверждение тождественно отрицанию самой формальной логики и вместо обоснования разрушает саму идею широкого понимания истины в праве.

Доминирующее в правоведении узкое понимание истины в праве основывается на разграничении норм и нормативных высказываний. Последние рассматриваются как высказывания о существовании нормы и ее принадлежности определенному правопорядку. Остается вопрос, что именно позволяет значению, сформулированному одним высказыванием, быть императивным для других. Аргентинский философ права Е. Булыгин, отождествляя императивность высказываний с недопущением множественности значений формулировок, по этому вопросу отмечает: «...если все формулировки норм многозначные, тогда все, чем мы можем обладать, – это множественность возможных норм, но не определенной нормой. Это не правовая либо нормативная, а языковая проблема. Существенным выступает то, что язык должен содержать, по крайней мере, несколько однозначных выражений. Язык, который не соответствует указанным требованиям, бесполезен в качестве орудия понимания»⁷.

Другими словами, формулируя метафизическое требование недопущения полисемии, Е. Булыгин признает отсутствие в самом праве механизма обеспечения единства и непротиворечивости значений. Такой механизм предлагается искать в самом языке — источником математического должно быть грамматическое. Истина окончательно становится соответствием одной языковой материи (грамматической конструкции высказывания) другой языковой материи, оказывается замкнутой в пределах языка, ничего превышающего языковой горизонт не существует. Тем самым неизбежно ставится под вопрос ключевое для европейской метафизики разграничение между логикой и грамматикой — рассмотрение логического обоснования не только как следствия именованного, и не как договоренности относительно имени, а в качестве определения с помощью слова существа вещи. Начиная с Сократа и заканчивая Э. Гуссерлем, европейское мышление стремилось элиминировать язык как источник множественности, неконтролируемой полисемии. Именно поэтому эмансипация языка в истекшем столетии позволила поставить под вопрос саму конструкцию европейского мышления, его метафизический стиль. Апелляция к языку не только не помогает обоснованию корреспондентного понимания истины — она является кратчайшим путем к его опровержению.

Ярким свидетельством этого может считаться концепция истины А. Тарского, согласно которой «парадокс лжеца» указывает на неизбежную противоречивость понятия истинности в естественных языках, поскольку предложения естественного языка могут утверждать как свою истинность, так и свою ложность⁸. Методология избегания этого парадокса работает только относительно формализованных языков и состоит в использовании иерархии языков, в пределах которой каждый следующий язык богаче предыдущего, но недостаточно богат для утверждения истинности либо ложности своих предложений. Нет никаких оснований утверждать, что язык права принадлежит к формализованным, и более того, что его можно представить в качестве иерархии формализованных языков. Для обозначения нормы и нормативного высказывания в праве используется одно и то же предложение. Это свидетельствует о том, что язык права является естественным, подчинен логике естественного языка. Если формализованный язык направлен на исключение создания новых смыслов в пределах одной теории, то язык права как естественный язык предполагает не только разнообразные толкования одного текста, но и создание новых смыслов, которые не предполагались автором текста.

Подтверждением этого выступает философия языка Л. Витгенштейна, обосновавшего неудовлетворительность традиционной субстантивистской позиции, согласно которой значение должно являть собой некоторую стабильную, четко фиксированную сущность: «...обнаружение нестабильности значений может напугать нас только тогда,

когда мы придерживаемся классического образа языка, в соответствии с которым лингвистическое должно отсылать к чему-то внелингвистическому. Если же отказаться от этого образа и изменить взгляд на функционирование языка в целом, то зафиксированная сложность исчезнет. Необходимо признать, что назначение языка никогда не состояло в том, чтобы обозначать вещи. Скорее, функция языка состоит в обеспечении intersubъективной коммуникации при осуществлении совместной деятельности, которая, как оказывается, полностью может обойтись и без строгой референции к вещам»⁹.

К подобным выводам приходит и проект философии как грамматики Ж. Деррида. Одним из основных тезисов его философии выступает осознание того, что даже логика, которая всегда имплицитно воспринималась как нечто инвариантное, выражается как знак, как повторяемое, которое в деконструкции повторяется всегда по-другому. Тем более это касается правовых текстов, повторение которых не гарантирует трансляции тождественного смысла, а выступает созданием нового смысла. При этом в отличие от Е. Булыгина, из невозможности редукции множественности значений Ж. Деррида не выводит невозможность коммуникации. Наоборот, нередуцируемая множественность и всегда наличная возможность создания нового смысла выступают составляющими этики дискурса. Множественность значений понятия логики «не означает, что коммуникация становится нелогичной либо невозможной, каждая коммуникация всегда может иметь в диспозиции логику коммуникации и имеет ее. Просто логика деконструкции должна быть всегда новой, другой, в зависимости от коммуникативных предпосылок, при которых осуществляется деконструкция»¹⁰.

Неспособность корреспондентного понимания истины предложить удовлетворительную постановку проблемы истины в праве обуславливает необходимость нового осмысления вопроса соотношения бытия и языка. Значимо утверждение С. Крипке относительно того, что понятие истины как соответствия действительности неизбежно предполагает наличие внеязыковой действительности¹¹. В свете «аксиомы Вико»¹² и соответствующего ей осознания, что, будучи языком, право не может обеспечить стационарность своего смыслового поля, оно и не является действительностью в понимании классической теории истины. Право замкнуто на себе самом, оно не допускает объективного и неизменного существования чего-либо, к чему относятся знаки – существования референтов и денотатов. Правовые тексты принципиально случайны и ненадежны, всегда открыты для многообразного, не поддающегося априорному ограничению, толкования. Право в качестве языка становится полностью вариативным способом говорения, лишенным возможности легитимироваться с помощью системно-трансцендентальных критериев, оно может легитимироваться лишь с помощью себя самого, собственной дискурсивности.

Признание истины в праве свойством права как знаковой системы создает предпосылки для ее переосмысления — вместо представления истины в качестве атемпорального имени перспективной является постметафизическая конструкция онтологии, построенная на принципе внешности языка — противопоставлении истины смыслу. Истина не есть референция к чему-либо в присутствующем, а выступает операцией, прерывающей режим смысла, изъятой из присутствия категорией¹³. Истина в праве становится вопросом исследования способов правового дискурса, высвечивающих негативную способность права превышать любую целостность, его избыточность относительно любого описания. Эффектом истины в праве выступает *различание* правового сущего, интеллектуальная деятельность по созданию права¹⁴.

3. Подступы к правовой философии — правовая неопределенность

Содержательному наполнению такого нового понимания истины в праве могут способствовать попытки концептуализации правовой неопределенности. Последнюю можно определить как эпистемологический тезис, согласно которому обращение к праву и вообще любая его актуализация выступают созданием, а не применением какого-либо существующего смысла. Будучи лишенным механизма обеспечения собственной тождественности, право не может рассматриваться как «уже созданное» — вместо континуалистского понимания права как длящейся непрерывности смысла выдвигается концепт «незаданности квалификации ситуации, в которой ставятся правовые вопросы».

Признание правовой неопределенности равносильно признанию, что право не предшествует правовой коммуникации в качестве готовых решений. Единственное, что может предъявить правовое высказывание, это аргументы, оно может дать доступ к аргументативному дискурсу как единственной форме существования права. Поскольку результативность участия в правовой коммуникации должна зависеть от аргументативной компетентности, постольку, когда спрашивают о праве, спрашивают не о существовании нормы, а об аргументах, с помощью которых можно сконструировать решение.

Наиболее известной акцентуацией правовой неопределенности является тезис правовой не(до)определенности Г. Кельзена. Согласно этому тезису, обусловленность правового решения нормами высшей степени не имеет (и не может иметь) абсолютного, исчерпывающего характера; норма всегда выступает рамкой/схемой, которая подлежит заполнению с помощью соответствующего акта, а определенность, которая, как представляется, существует в большом количестве ситуаций, образуя основу традиционной правовой теории (формализма, догматики), является иллюзорной. Каждый юридический акт обусловлен нормой лишь в определенной степени, а в целом характеризуется неопределенностью, наиболее значимым способом обращения с которой выступает судебское усмотрение¹⁵.

Непреодолимая не(до)определенность права означает отсутствие в праве как единственно правильного ответа, так и критерия/метода его идентификации среди возможностей, заложенных рамками нормы. Любое правовое решение ввиду этого выступает доопределением высшей нормы, будучи созданием, приращением нормативности в виде индивидуальной нормы. При этом правовое решение (индивидуальная норма) не является дедуктивным умозаключением из высшей нормы, и не находится с ней в какой-либо формально-логической или детерминистической связи, а, следовательно, лишь условно может считаться конкретизацией и индивидуализацией правопорядка относительно квалифицируемой предметности/событийности.

Тезис правовой не(до)определенности отрицает возможность алгоритмизации правового мышления, разрешимость права – выведения по формуле конкретного, заранее известного решения из аксиом правовой теории и нормативного материала.

В целом соглашаясь с размышлениями Г. Кельзена относительно правовой неопределенности, считаем возможным усомниться в безальтернативности того вывода, к которому он приходит – а именно, что не(до)определенность права указывает на недостаточность интеллектуальной деятельности (в частности, познавательной и логической) для надлежащей конкретизации высших правовых норм, к примеру, при вынесении судебного решения. Принципиальное значение приобретает проблематизация утверждения, что «действительность каждой позитивной нормы, в том числе индивидуальной, обусловлена волевым актом, который не может продуцироваться путем логической операции мышления»¹⁶.

По нашему убеждению, правовая не(до)определенность не требует выхода за пределы рационального, создание нормы не является лишь фактом психической реакции на ситуацию, за таким созданием скрывается своя (хотя и не классическая – формальная) логика. Однако экспликация логической структуры создания правовой нормы требует выхода за пределы учения Г. Кельзена. набросок ее экспозиции будет представлен нами ниже.

Второй влиятельной концепцией правовой неопределенности выступает «правовой неореализм». Он отрицает «формулу Холмса», согласно которой право выступает предсказанием того, как будут действовать судьи. Концептуальным каркасом правового неореализма является утверждение, что нормы содержатся не в правовых текстах, а в актах толкования этих текстов, которые до такого толкования не имеют в себе значения, пребывая в его ожидании. Интерпретатор не имеет дела с каким-либо априорно заданным значением, более того, не существует метода, который бы позволил определить одно значение нормы как единственно верное, и отсутствует критерий безусловного выбора в пользу одного из возможных значений, определенных путем толкования текста¹⁷.

Таким образом, толкование предусматривает не познание судьей какого-либо абсолютного значения текста, заложенного в него законодателем, а создание такого значения, которое и будет порождать правовые последствия. Закон не выступает источником обязательных предписаний — он всего лишь текст, с помощью которого судьи (и другие интерпретаторы) легитимируют свои решения. Однако такие решения не обуславливаются текстом непосредственно.

При этом правовой неореализм не осмысляет истоки правовой неопределенности, а просто рассматривает ее как данность. Так же, как и в случае с Г. Кельзеном, создание нормы оказывается за пределами логики и рациональности, созданная норма не рассматривается как объект познания, а значит, она выводится за пределы дискурса и, в итоге, становится не вопросом права, а вопросом возможности принуждения. Поскольку правовой неореализм не акцентирует внимание на логике правовой неопределенности, логически не объясняет возможность для судьи изменять содержание большей посылки юридического силлогизма (а ею, прежде всего, выступает законодательный текст) — создавать новую норму вместо применения существующей — он фактически отрицает право как сферу и инструментарий рациональности.

4. Правовая неопределенность в пространстве правовой постметафизики

Возможно, самым важным интеллектуальным фактом современного правоповедения как раз и выступает неспособность философии права логически объяснить правовую неопределенность, выйти за пределы ее простой констатации. Логика правовой неопределенности оказывается за пределами философии права, потому что она находится за пределами метафизики. Логический исток правовой неопределенности задается постметафизической ситуацией, а она — всегда асимметрия правовой онтологии и правовой эпистемологии.

Локализацией этой асимметрии выступает позитивное (наличное, заполненное) пространство юридических конструкций (правовое сущее), и их негативное (незаполненное) пространство (правовое бытие). Позитивное пространство юридических конструкций является единственной сферой существования правовых смыслов, которые, в силу этого, не могут быть метаюридическими, а всегда имманентны материи права. Однако вопрос об истине в праве, как и философская проблематизация права в целом, локализуется в негативном пространстве юридических конструкций, выступая процедурой соположения отечественного права с его «ничто» как возможностью приведения его смыслов в движение. Истина в праве становится процессуализацией (деконструкцией) правовой материи — сингуляризацией отечественного права за пределами дискурса его идентичности. Другими словами, речь идет об ускользающей сингулярности, не позволяющей

установить какой-либо наличный смысл в качестве объекта философского высказывания, об очерчивании бытия отечественного права как различания, т.е. о процедуре мышления, которая для того, чтобы совершиться, должна постоянно не совпадать с собой.

Логикой такой негативной сингуляризации отечественного права выступает постметафизическая интерпретация правового сравнения, которая позволяет рассматривать негативное пространство юридических конструкций как пространство *между* собственным правом и другим¹⁸. Суть постметафизики правового сравнения – в его способности всегда оставаться пустым (не элиминировать свою процессуальность), открытым новому, свободным от диктата наличного смысла. И, в таком понимании, правовое сравнение выступает философией, которая, будучи модусом экзистенции как эк-статичности, и является искусством всегда оставаться пустым.

Понимание правовой истины в качестве процедуры правового сравнения созвучно хайдеггеровской концепции истины как *ἀλήθεια*. Последняя причастна бытию-как-бытию (ничто сущего). *Между*, в том числе и *между* правопорядками, и выступает как «ничто само по себе. И не просто ничто: а *имение места*, условие, благодаря которому мы всегда находим себя между и среди»¹⁹. М. Хайдеггер и указывал на *имение места* как на «собственное существо бытия, то, куда оно принадлежит и в чем оно содержится»²⁰.

Правовое сравнение в качестве правовой истины-*ἀλήθεια* является усмотрением пространства *между* правопорядками как бытия собственного права, т.е. как источник несостоятельности его правовых смыслов и сфера проблемо-порождающего мышления. Другое право не является референтом, а есть то внешнее, которое позволяет обеспечить бесконечное ускользание значений собственного права. При этом последнее и выступает единственно возможной постметафизической манифестацией отечественного права – оно существует согласно своей сути лишь если хранит способность стать другим, адаптировав механизм собственной трансформации. Возможность обращения к зарубежному праву выступает механизмом превышения наличного смыслового поля отечественного права, но не достижения смыслового поля права зарубежного. Движение по схеме: «превышая одно, но никогда не доходя до другого» – этот гомеровский круг мышления – будучи процедурой истины-*ἀλήθεια*, одновременно выступает и темпоральностью отечественного права – возможность обращения к другому праву есть модус будущего собственного права в эк-статической структуре правового времени.

Соответственно, правовое сравнение центрирует в себе процедуру истины-*ἀλήθεια*, дейтический образ мышления и эк-статическую темпоральность, воплощая пространство права-как-философии. Исходя из этого, правовое сравнение может рассматриваться как логическое

обоснование правовой неопределенности, последняя и будет эффектом правовой истины – *различания* и приращения смысла отечественного права, создания права.

Будучи логикой правовой неопределенности, правовое сравнение допускает интерналистскую (внутреннюю) проекцию своего инструментария правовой постметафизики. Результатом такой проекции, в частности, будет и обоснование тезиса правовой не(до)определенности Г. Кельзена и концепции правового неореализма.

Относительно первого оказывается, что правовая не(до)определенность означает, что для правовой квалификации фактической событийности жизненной ситуации необходимо обращаться к метауровню аргументации (высшей норме), такая ситуация не может быть разрешена изнутри себя, она требует операции привнесения, а не изъятия смысла. При этом такое обращение приводит не к воспроизводству смысла правовой системы (применению высшей нормы), а к его расширению (созданию индивидуальной нормы). Индивидуальная норма выступает тем элементом, который одновременно и принадлежит правовой системе (потому что она является собственно правовым решением, идентифицируется как право), и не принадлежит ей (потому что до такого решения она не существовала, и ее содержание не было априорно либо каузально определенным).

Возможность расширения смыслового пространства права в каждом акте его актуализации не требует выхода за пределы права, обращения к чему-либо внеправовому²¹. Правовое решение всегда задано правом в том смысле, что кельзеновскую иерархию правовых норм можно рассматривать с точки зрения различия бытийных режимов. Правовое решение (создание индивидуальной нормы) можно рассматривать как наполнение ситуации актуальным (в том числе и в аспекте возможности его реализации) правовым смыслом. Созданная таким образом индивидуальная норма выступает приращением правового сущего, и может рассматриваться с онтической перспективы (как сфера правового сущего). В то же время высшие нормы и основная (первоначальная) норма подлежат рассмотрению с перспективы онтологической, как сфера правового бытия, т.е. как правовое «ничто» для индивидуальной нормы.

Понимание иерархии правовой нормативности как структурного соединения онтического и онтологического позволяет рассматривать правовой дискурс как создание заранее неопределенного правового сущего (правовых решений) в интеллектуальном пространстве, лишенном механизма жесткого диктата и воссоздания смыслов – т.е. в пространстве творчества, нередуцируемого риска и ответственности.

Так же логика правового сравнения может обосновать главный тезис правового неореализма об отсутствии нормативных (внешних) препятствий для судьи вложить любое значение в интерпретируемые им тек-

сты. Логика разомкнутости (индетерминизма) судьейского толкования характеризует процесс создания им нормы (ввиду неопределенности права и судебное решение будет неопределенным), однако она не может характеризовать способность этой нормы определять поведение лиц, на которые она распространяется. Созданная судьей индивидуальная норма должна быть объектом познания, причем последнее, кроме своего гносеологического содержания, имеет еще и значение признания за индивидуальной нормой ее правового характера.

Здесь следует отличать две перспективы видения: характеристику судьейской деятельности как создающей право (перспектива неопределенности) и перспективу характеристики как правовой, созданной судьей индивидуальной нормы теми, на кого она распространяется. Вторая перспектива дает возможность говорить о правовом характере судебного решения как его определенности. Правовая определенность выступает результатом перенесения акцента с вопроса создания права на вопрос его обоснованности. Последняя имеет дискурсивный характер — правовой характер толкования судьи зависит от его дискурсивной компетентности и соответствия его аргументации правилам дискурса — принятие на себя рисков и обязанностей аргументации.

Правовой, а не только принудительный, характер созданной судьей нормы и состоит в том, что она представляет собой корпус аргументации, открытой для рациональной критики, который не может быть преодолен по правилам дискурса и исходя из ресурсов ситуации, для которой создана индивидуальная норма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подобный взгляд распространен в эпистемологии науки и безотносительно к правоведению (см., например: *Никифоров А.Л.* Корреспондентная теория истины // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. — М.: Канон+, 2009. С. 392).

² Здесь мы, прежде всего, имеем в виду формулировку идеи онтологии А. Кауфмана, согласно которой «все, что основано на бытии, неуправляемо. Человек может распорядиться бытием лишь при условии, если он принимает во внимание его законы» (см.: *Кауфман А.* Попередні зауваження щодо правової логіки та онтології відносин. Засади правової теорії, заснованої на понятті персони // Філософія права і загальна теорія права. 2013. № 1. С. 330).

³ Более подробно об этой концепции см.: *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы современного правоведения: дис. ... докт. юрид. наук. — Екатеринбург, 2002; *Тарасов Н.Н.* Юридическая наука: «расписание на завтра», или Некоторые вопросы «горизонтов развития» юриспруденции XXI века // Юриспруденция XXI века: горизонты развития / под ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. — СПб., 2007. С. 50–68.

⁴ *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы современного правоведения. С. 315.

⁵ Там же. С. 316.

⁶ Понимание формальной логики в качестве инструмента ограничения полисемии возводится М. Хайдеггером в ранг основоположений европейской метафизики (подробнее см.: *Хайдеггер М.* Введение в метафизику. – СПб.: ВРФШ, 1998).

⁷ *Булыгин Е.* К проблеме объективности права // Проблемы філософії права. 2005. Т. III. № 1–2. С. 10.

⁸ См.: *Шкатов Д.П.* Парадокс лжеца // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. С. 687–688.

⁹ *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. – М.: Канон+, 2010. С. 8.

¹⁰ *Франк Х.* Деконструкция логики – логика деконструкции? // Герменевтика и деконструкция. – СПб., 1999. – URL: <http://www.anthropology.ru/ru/text/frank-h/dekonstrukciya-logiki-logika-dekonstrukcii> (дата обращения: 27.01.2016).

¹¹ *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. С. 7.

¹² «Verum et factum convertuntur» («истинное и созданное взаимобратимы»). О значении этой «аксиомы» для современной гуманитарной эпистемологии см.: *Махлин В.Л.* Второе сознание: Подступы к гуманитарной эпистемологии. – М.: Знак, 2009. С.100 и след.

¹³ В современной философии наиболее последовательно такой взгляд на истину отстаивает А. Бадью (см.: *Бадью А.* Манифест философии. – СПб.: Machina, 2003. С. 9–72).

¹⁴ В этом смысле правы были римские юристы, определявшие право как искусство (а не науку) добра и справедливости. Действительно, право сходно именно с природой искусства, поскольку оно так же, в отличие от науки, является не сферой открытия, а сферой творения. Право не открывает окружающий мир, а создает собственный, при этом как сам процесс создания, так и его результаты оказываются пронизанными структурами познания.

¹⁵ Подробнее см.: *Касаткін С.* Позитивістська доктрина правової невизначеності (на прикладі вчень Г. Кельзена та Г. Харта) // Філософія права і загальна теорія права. 2014. №. 1–2. С. 271.

¹⁶ *Кельзен Г.* Чи є специфічна «юридична» логіка? // Наукові записки Харківського економіко-правового університету. 2008. № 1 (6). С. 133.

¹⁷ Подробнее см.: *Антонов М.* Теоретичні проблеми неореалістичного розуміння права: про теорію тлумачення Мішеля Тропера та його дискусія з Отто Пферсманном // Філософія права і загальна теорія права. 2014. №. 1–2. С. 91–99.

¹⁸ Подробнее см.: *Ткаченко О.В.* Постметафізична інтерпретація tertium comparationis – конститuant права-як-філософії // Порівняльне правознавство. 2012. № 3–4. С 421–427; *Ткаченко О.В.* Концепт порівняння як конститuantа постметафізичного правового мислення: досвід епістемологічних трансформацій // Право України. 2013. № 3–4. С. 39–48; *Ткаченко О.В.* Логіка пост-філософії як дискурс творення правової методології // Право України. 2014. № 8. С. 157–168.

¹⁹ Керимов Т.Х. Неразрешимости. – М.: Академический проект; Трикста, 2007. С. 190–191.

²⁰ Хайдеггер М. Время и бытие / пер. с нем. – М.: Республика, 1993. С. 396.

²¹ В этом смысле принципиально различать «выход за пределы смыслового поля права» и «выход за пределы права».

REFERENCES

Antonov M. Theoretical issue of the neorealist approach to Law: about the theory of interpretation by Michel Troper and his debates with Otto Pfersmann. In: *Philosophy of law and general theory of law*. 2014. No 1-2, pp. 91-99 (trans. into Ukrainian).

Badiou A. *Manifesto for philosophy*. Saint Petersburg, Machina, 2003, pp. 9-72. (trans. into Russian).

Bulygin E. On the problem of the objectivity of law. In: *Problems of the philosophy of law*. 2005. Vol. III. No 1-2, pp. 7-13 (in Russian).

Kasatkin S. Positivist doctrine of legal indeterminacy (basing on conceptions of H. Kelsen and H. Hart). In: *Philosophy of law and general theory of law*. 2014. No 1-2, pp. 268-276 (trans. into Ukrainian).

Kaufmann A. Preliminary remarks on a legal logic and ontology of relations. Foundations of a legal theory based on the concept of a person. In: *Philosophy of law and general theory of law*. 2013. No 1, pp. 329-344 (trans. into Ukrainian).

Kelsen H. Is there the specific «legal» logic? In: *Scientific papers of Kharkiv university of economics and law*. 2008. No 1, pp. 131-138 (trans. into Ukrainian).

Kerimov T.H. *Unsolvability*. Moscow, Academic project, 2007. 218 p. (trans. into Russian).

Kripke S. *Wittgenstein on rules and private language*. Moscow, Canon+, 2010. 256 p. (trans. into Russian).

Machlin V.L. *The second consciousness: approaches to humanitarian epistemology*. Moscow, Znak [Sign], 2009. 632 p. (in Russian).

Nikiforov A.L. Correspondence theory of truth. In: *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow, Canon+, 2009, pp. 392-393 (in Russian).

Tarasov N.N. *Methodological problems of contemporary jurisprudence*: dissertation for the degree of Doctor of Law. Ekaterinburg, 2002. 344 p. (in Russian).

Tarasov N.N. The legal science: “schedule for tomorrow”, or some questions of “development horizons” of jurisprudence of 21st century. In: *Jurisprudence of 21st century: horizons of developments*. Saint Petersburg, 2007, pp. 50-68 (in Russian).

Tkachenko O.V. Concept of comparison as a constituent of postmetaphysical legal thinking: experience of epistemological transformations. In: *Ukrainian Law*. 2013. No 3-4, pp. 39-48 (in Ukrainian).

Tkachenko O.V. Logic of post-philosophy as a discourse of creating of legal methodology. In: *Ukrainian Law*. 2014. No 8, pp. 157-168 (in Ukrainian).

Tkachenko O.V. Postmetaphysical interpretation of tertium comparationis – constituent of law-as-philosophy. In: *Comparative jurisprudence*. 2012. No 3-4, pp. 421-427 (in Ukrainian).

Frank H. Deconstruction of logic – logic of deconstruction? In: *Hermeneutic and deconstruction*. Saint Petersburg, 1999. Available at: <http://www.anthropology.ru/ru/text/frank-h/dekonstrukciya-logiki-logika-dekonstrukcii> (in Russian).

Heidegger M. *Introduction to metaphysic*. Saint Petersburg, 1998. 302 p. (trans. into Russian).

Heidegger M. Time and being. In: Heidegger M. *Time and being: articles and contributions*. Moscow, Respublica [Republic], 1993, pp. 391-406 (trans. into Russian).

Shkatov D.P. Liar paradox. In: *Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow, Canon+, 2009, pp. 687-688 (in Russian).

Аннотация

В статье указывается на несоответствие корреспондентного понимания истины природе права. Философия права не в состоянии сделать правовую неопределенность предметом рационального дискурса. Логическим обоснованием правовой неопределенности может стать конструкция правового сравнения как процедуры правовой истины-*άλετεια*. Дискурс правового сравнения выступает не только эпистемологией взаимосвязи правовых систем, но и структурой обоснования неопределенности судебного толкования в качестве источника создания правовой нормативности.

Ключевые слова: правовое сравнение, эпистемология, правовая истина-*άλετεια*, корреспондентное понимание истины, правовая неопределенность.

Summary

Inconsistency of the correspondence understanding of truth to law nature is indicated in the article. Philosophy of law is unable to consider legal uncertainty as the subject of rational discourse. Legal comparison construction as a procedure of legal truth-*άλετεια* can be the logical justification of legal uncertainty. Legal comparison discourse is not only epistemology of legal systems interconnection but also is the structure of justification of court interpretation uncertainty.

Keywords: legal comparison, epistemology, legal truth-*άλετεια*, the correspondence understanding of truth, legal uncertainty.